

Когда Фэн Цзю была маленькой, ее родители хотели построить любовное гнездышко только для них двоих, поэтому долгое время она была на попечении своей тети Бай Цянь. Растить рядом с ней было не так-то легко: Фэн Цзю приходилось делать все, от ловли птиц в небе до ловли рыбы в ручье. Однажды она даже выдернула все перья у птицы Цзиньвэй [1] своего четвертого дяди, пока он спал.

Принимая во внимание еще более дикие дни своего детства, Бай Цянь закрывала глаза на проказы Фэн Цзю.

Однако не гнушалась она и ее воспитанием. Например, Бай Цянь однажды сказала Фэн Цзю, что самое главное в том, чтобы быть божеством, - это не бояться потерять лицо, потому что бесстыдство - это тоже своего рода мужество, поскольку оно позволяет смело сделать первый шаг. Несмотря ни на что, пока ты не боишься смущения и стоишь на своём, со временем ты добьешься успеха.

Годы спустя Фэн Цзю использовала те же слова, когда поощряла малыша А Ли бороться против отца за право ночевать в спальне его матери.

- Самое главное качество для бессмертного - это бесстыдство. Будучи бесстыжим... ты можешь сделать всё.

Ночью маленький колобок слово в слово повторил эту фразу Бай Цянь, любопытствуя, что значит быть бесстыжим, а также как быть толстокожим, как его отец. Бай Цянь отставила кастрюлю с супом из лотосов, который она собиралась отнести Е Хуа на поздний ужин, и направилась в кабинет во дворце Чаншэн, взяв оттуда несколько связок толстых буддийских сутр. Она уложила их в деревянную тележку и поздно вечером отправила Фэн Цзю. Также она передала своей дорогой племяннице, что если она не перепишет все эти сутры к следующему вечеру, то от рассвета до заката ее будет ждать черед свиданий вслепую.

Фэн Цзю уже плыла в страну снов, когда ее разбудила горничная Бай Цянь, Най Най. Стоило ей открыть глаза, как она увидела груды сутр, сложенных перед ней. Она вспомнила, что утром сказала какую-то ерунду маленькому колобку, и теперь готова была затопить слезами раскаяния все окрестности.

На следующий день, так и не сумев скопировать все священные писания, Фэн Цзю была перенесена в Сад Лунного Света на 32-м уровне небес.

В Саду Лунного Света было множество деревьев, а среди высоких навесов, образованных их кронами, росли бесчисленные необыкновенные цветы. Именно здесь Даодэ Тяньцзунь [2] из Тайцина обучал своих учеников.

Казалось, на этом вечере собрались все молодые небожители. Фэн Цзю обвела взглядом присутствующих и прикинула, что их около ста человек. Кто-то разговаривал с соучениками, кто-то с тревогой смотрел на вход в сад. Было бы ничего, если бы здесь была пара человек, или даже четыре-пять, но Фэн Цзю была ошеломлена, увидев такую толпу народа. Она всегда была отчаянной, но сейчас и ее оставило присутствие духа, и она, не раздумывая, сделала шаг назад, и еще один, и еще. Бай Цянь повысила голос и сказала слуге рядом с ней: «Думаю, нам придется её связать. Она должна остаться, несмотря ни на что, нельзя дать ей сбежать на полпути».

Сердце Фэн Цзю заколотилось, она тут же повернулась и побежала.

Одним махом она преодолела огромное расстояние. Горничная следовала за ней по пятам,

подстраиваясь под ее шаги. Фэн Цзю не знала, в какой момент ей удалось оторваться. Она заметила лишь, что, миновав густую листву деревьев сал [3], когда ветви задрожали и бледно-желтые лепестки упали на ее волосы, шум ветра позади нее, наконец, прекратился.

Она вздохнула и оглянулась. Поблизости действительно никого не было. Вдалеке бежала Серебряная Река, и розовый свет заката слабо отражался в ее мерцающей воде.

Неосторожные разговоры приводят к неприятностям. Недаром говорят: «Язык мой – враг мой», и вот ей пришлось целый день переписывать буддийские писания. Сейчас, когда перед ее глазами стояли два дерева сал, в ее мозгу всплыли отрывки из Агамы [4]. Как же там было? «В то время почитаемый Будда достиг Паринирваны [5] под двумя саловыми деревьями в саду в Кушинагаре». Ну и словечки...

Фэн Цзю смахнула лепестки с волос и вдохнула свежий воздух полной грудью. В конце концов, это не пустая трата времени, если она помнит такие трудные места. Она огляделась и почувствовала себя грязной и усталой после этой гонки. Она долго раздумывала, не искупаться ли ей в Вантянском источнике за этими деревьями.

Луна наконец-то взошла с востока, и хотя она поднялась не очень высоко и не была такой романтической, как ее описывали смертные, холодный серебристый лунный свет сумел слабо распространиться по камням и цветам поблизости. В нескольких шагах тонкий туман окутывал лазурную воду, рассеивая теплую мистическую энергию. Фэн Цзю огляделась: час собаки [6] уже миновал, скорее всего, в это время сюда никто не придёт. Она сняла мантию, тунику, нижнее белье и шагнула в чистую воду.

Она опустилась и обнаружила, что горячая вода доходит ей до шеи. Только теперь Фэн Цзю облегченно вздохнула. Она посмотрела на свою ладонь и увидела, что множество лепестков салового дерева унесло ветром. Она собрала их и начала складывать один за другим, планируя потом нанизать их на нитку. Внезапно она услышала шорох за большим валуном.

Руки Фэн Цзю, собиравшие лепестки, застыли в воздухе.

Легкая рябь пробежала по чистой поверхности воды, разбив отражение луны. Из-за валуна посреди ручья появилась фигура в белом. Фэн Цзю перестала дышать, увидев, что фигура вброд переходит воду и подбирается все ближе и ближе. Наконец из тумана появился высокий человек с длинными серебристыми волосами и красивым лицом.

Фэн Цзю прислонилась спиной к камню. Даже при том, что она всегда была толстокожей, это была определенно неловкая ситуация. Ее лицо побледнело. Но, будучи королевой Цинцю, она быстро взяла себя в руки и решила поздороваться с ним.

Но сказать «привет» в этой ситуации – тоже само по себе искусство. Если бы она пришла сюда, чтобы полюбоваться цветами, то могла бы сказать: «Какая сегодня прекрасная погода. Владыка тоже здесь, чтобы насладиться цветами?» Но как она могла поднять свою обнаженную руку и заявить: «Какая сегодня прекрасная погода. Владыка тоже пришел сюда, чтобы принять ванну?»

Пока Фэн Цзю с несчастным видом обдумывала, что сказать, Дун Хуа неторопливо перешел на другую сторону берега, даже не взглянув на нее.

У Фэн Цзю мелькнула мысль, что, возможно, Дицзюнь ее не заметил. Значит, она не потеряла лицо перед ним, не так ли?

Она уже собиралась выдохнуть с облегчением, когда Дун Хуа Дицзюнь остановился, не желая возвращаться на берег, и в одно мгновение накинул на нее свою мантию.

В этот самый момент Фэн Цзю услышала чей-то голос. Если она не ошиблась, неловкий смешок издал господин Ляньсун: «Боже мой, мне так жаль. Я ничего не видел, совсем ничего. Я ухожу».

Онемевшей рукой она сорвала с головы белую мантию Дун Хуа. Ее взгляд устремился вдаль, туда, где ветви деревьев слегка покачивались в лунном свете. Дун Хуа, одетый только в нижнюю рубашку, долго стоял на берегу, глядя на нее. Наконец, он спросил: «Что ты здесь делаешь?»

«Купаюсь» - честно ответила Фэн Цзю. Ее лицо порозовело от водяного пара.

Она вдруг вспомнила, что хотя родниковая вода была голубого цвета, она была такой прозрачной, что было видно ее русло. Ее лицо покраснело. Через несколько секунд она выглядела так, словно была погружена в кипящую воду.

- Вы... закройте глаза. Вы не можете так смотреть. Нет, повернитесь в другую сторону... отвернитесь быстро!

Дун Хуа неторопливо оглядел ее с головы до ног и, наконец, выказав огромную выдержку, отвернулся в другую сторону.

Фэн Цзю лихорадочно смотрела на кучу одежды на берегу. Она не думала, что окажется в такой ситуации, когда снимала ее. Даже ее нижнее белье было так далеко, что если бы она захотела поднять его, ей пришлось бы наполовину выйти из воды.

Она была так сбита с толку, что забыла, что на самом деле она лиса. Ей лишь нужно было вернуться в свою первоначальную форму, и Дун Хуа ничего не смог бы увидеть.

Пока она пребывала в волнении, длинные тонкие пальцы поднесли к ее глазам белую тунику. Дун Хуа в этот момент все еще смотрел в другую сторону. Его глаза с длинными ресницами были закрыты. Она уже протянула руку за туникой, когда в ужасе переспросила: «Откуда вы знаете, что я хотела взять одежду?»

Обычно, чтобы соответствовать образу королевы Цинцю, она всегда притворялась щедрой и мудрой. Теперь она выказывала свое ребячество, словно юная шаловливая богиня.

Дун Хуа застыл и хотел убрать руку. Несмотря на свои нервные слова, она со скоростью света схватилась за свой предмет гардероба, и быстро прикрыв чувствительные участки тела, вышла на берег, чтобы одеться. Слишком смущенная, чтобы попрощаться, она быстро покинула сцену.

«Эй, ты кое-что забыла» - окликнул ее Дун Хуа.

Она не могла не оглянуться и увидела, что Дун Хуа наклонился, чтобы что-то поднять. Когда она поняла, что это было, вся кровь бросилась ей в голову.

То, что поднял Дун Хуа, было... предметом нижнего белья.

Розовое, цвета лотоса, нижнее белье.

Ее нижнее белье.

Рубашка Дун Хуа слегка разошлась, обнажив часть ключицы. С неизменным выражением лица он небрежно протянул ей ее нижнюю юбку. Фэн Цзю даже не знала, брать ее или нет, чувствуя, как рушится весь мир.

Пока они оставались в тупике, в подлеске зашуршало, и из-за соседнего дерева показалась элегантная фигура Ляньсуна.

- Ох, я забыл свой веер. Вернулся, чтобы забрать его, но, похоже, я вам помешал. Зайду извиниться в другой раз. Вы двое... пожалуйста, продолжайте...

Фэн Цзю очень хотелось плакать. Она быстро схватила юбку и мгновенно перемахнула через стену. Легкий ветерок подхватил лепестки салового дерева и закружил их в воздухе.

Ляньсун слабо улыбнулся и посмотрел на Дун Хуа.

- Разве ты не побежишь за ней?

С блеском в глазах он продолжил допытываться: «Так красавица, которую ты встретил на террасе Чэнтянь на днях, - это Фэн Цзю из Цинцю? Но разве ты не в курсе? Если ты захочешь сделать ее своей королевой, в будущем тебе придется звать этого баловня Е Хуа своим дядей...»

Дун Хуа уставился на свою одежду и не спеша ответил: «Несколько дней назад до меня дошли слухи, что ты влюбился в Чэн Юй Юаньцзюнь?»

Ляньсун закрыл веер: «Эй...»

Дун Хуа продолжил: «Я думаю сделать ее своей крестницей. Что ты на это скажешь?»

Принц Ляньсун не нашелся, что сказать.

Фэн Цзю была не из тех, кто заморачивается из-за всяких пустяков. Но случившееся вовсе не было мелочью. Кто мог сказать, какими будут последствия?

Потеряв достоинство перед Дун Хуа, Фэн Цзю не могла позволить себе показаться в другом месте. Она пряталась в течение двух дней прямо во дворце Цин Юнь, жилище маленького колобка, надеясь, что со временем кто-нибудь ее утешит.

Кто угодно, только не ее тетя Бай Цянь.

Но прошло так много времени, а никто так и не пришел, чтобы очистить ее разум.

Наконец Фэн Цзю не выдержала и решила спросить у А Ли: «Если тебе когда-то нравилась девочка, и через много лет ты видишь ее снова...»

Ища подходящий пример, она, наконец, спросила: «И она узнаёт, что ты все еще носишь подгузники. Что бы ты сделал?»

- Я уже давно не ношу подгузников, - возразил маленький колобок.

- Я же сказала «если». Если, - быстро успокоила его Фэн Цзю.

Мальчуган задумался, и его маленькое личико покраснело. Смущенный, он отвернулся и сказал в пространство: «Тогда это действительно неловко. Только потерять свое нижнее белье при виде своей прошлой пассивности может сравниться с таким позором». Все еще стесняясь даже

думать о подобном, он продолжил: «В таком случае я лучше врежусь головой в тофу и покончу с собой».

Сначала Фэн Цзю немного воспрянула духом. Но после того, как она услышала слова маленького колобка, она была подавлена еще несколько дней. К концу четвертого дня Бай Цянь прислала горничную с сообщением, что певцы и танцоры с террасы Чэнтянь выздоровели и собираются поставить пьесу в Хэби Юань, поэтому ей следует прийти на представление. Тогда Фэн Цзю решила на время отложить свою печаль и, наконец, покинула дворец Цин Юнь.

На сцене в саду Хэби красовалась толпа женщин-генералов в ярких одеждах, громко распевających рифмованные строки.

Бай Цянь с белым шелковым веером бочком подошла к Фэн Цзю и сказала: «На Небесах в последние дни подняли шум из-за некоторых интересных слухов. Ты слышала что-нибудь об этом?» Издав неловкий смешок, она добавила: «То есть, я, конечно, не очень люблю сплетни».

Фэн Цзю проницательно ответила: «Конечно, ты не беспокоишься о подобных вещах, и я тоже. Но, пожалуйста, продолжай».

Бай Цянь кивнула и неторопливо продолжила: «Верно, никто из нас не любит вмешиваться в чужие дела, так что тебе не следует особо уделять этому внимание. Дун Хуа Дицзюнь, которого мы все считали благородным человеком... в общем, нас одурачили. Хорошо, что ты рассталась с ним 300 лет назад. К счастью, Небеса помогли тебе порвать с ним все связи».

Фэн Цзю предупредительно подняла голову.

«Говорят, что он скрывает потрясающей красоты девушку во дворце Тайчэнь, и что он полностью поглощён ею» - сказала Бай Цянь, очищая грецкий орех.

Фэн Цзю поставила чашку и опустила глаза.

- Значит, вот почему Его Величество столько лет не покидал дворец Тайчэнь, - она тихонько рассмеялась. - Конечно, если рядом с ним красивая девушка, даже не выходя из дома, он никогда не будет чувствовать себя одиноким.

Бай Цянь протянула ей очищенный грецкий орех: «Не обращай внимания. Вас двоих больше ничего не связывает. И я говорю это не для того, чтобы расстроить тебя».

Фэн Цзю снова взяла чашку и спросила: «Кто эта красавица, которую так обожает Дицзюнь?»

«На самом деле меня это не очень волнует. Я как-то раз спросила Сымина, но он тоже ничего не знает. После того, как прошёл этот слух, все начали гадать, кто такая эта его таинственная зазноба. Но Дун Хуа ни разу не открыл рта. Вот почему нет других вариантов, кроме его приемной сестры Чжи Хэ. Но, насколько я знаю, все эти годы Чжи Хэ оставалась в мире смертных. Не думаю, что это она».

Фэн Цзю держала чашку и внимательно слушала.

Бай Цянь сделала еще глоток и продолжила: «Что касается красавицы, то она действительно существует. Я слышала, что Дун Хуа покинул дворец Тайчэнь и отправился с ней к горячему источнику на прошлой неделе. Их застал господин Ляньсун, поэтому эти слухи и поползли».

Фэн Цзю неловко повернулась и рухнула на землю. «Горячий источник?..» - едва слышно

переспросила она, схватившись за подлокотник кресла.

Бай Цянь удивленно посмотрела на нее и продолжила: «Я была потрясена! Этот слух распространился всего несколько дней назад, но после тщательного анализа я думаю, что он заслуживает доверия. Ты знаешь Чэн Юй Юаньцзюнь, в которую влюблен Ляньсун? Прежде чем я вернулась, Чэн Юй заботилась о маленьком колобке. Я слышала, что Чэн Юй незаконнорожденная дочь Дун Хуа и этой бессмертной».

Фэн Цзю, пытавшаяся подняться, снова упала на землю.

Фэн Цзю хорошо знала своё положение. Она была вдовой.

У смертных была известная поговорка: «Скандалов перед домом вдовы предостаточно».

Фэн Цзю вдруг осознала, что за 300 лет ее вдовства не произошло ни одного скандала не потому, что она была приличной вдовой. На самом деле это было потому, что Цинцю было тихим местом. С другой стороны, она прибыла на Небеса всего на несколько дней, а слухи разлетелись почти мгновенно. Но теперь, когда молва дошла и до неё, она забеспокоилась. Она чувствовала, что не выполнила свой долг честной вдовы, если оказалась втянутой в этот скандал. Даже 300 лет назад она не была бы счастлива быть связанной с Дун Хуа в подобных сплетнях.

Фэн Цзю преуспела в одном, в чем не преуспела даже ее тетя Бай Цянь. Когда Бай Цянь сталкивалась с чем-то непонятным, она никак не могла выбросить это из головы. Но Фэн Цзю была не такой; она обращалась с вещами только так, как позволяли ее способности. По ее мнению лучше всего ей давалась не готовка. Сымин однажды похвалил ее за настойчивость в своих начинаниях, но также и решительность в том, когда нужно было отпустить проблему. Она считала, что ее поведение достойно похвалы.

Раньше она была плоховато подкована; впоследствии она вспомнила одну подходящую к случаю фразу. Прожив 30 000 лет, она собрала солидную коллекцию пословиц из собственного опыта. Ей пришлось долго копаться в памяти, прежде чем она вспомнила: «Нельзя привязываться к мужчине, который привязан к другим женщинам, каким бы великим он ни был. Еще менее следует привязываться к человеку, который привязан к другим людям». Когда-то она жила и умерла ради него, но он никогда не обращал на нее никакого внимания. Возможно, он даже любил кого-то другого. Она понизила свой собственный статус, чтобы стать служанкой, провела столетия, подметая и вытирая пыль вокруг его дворца. Она даже не имела права говорить с ним. Благодаря этому она могла притвориться, что его никогда не существовало. Естественно, сейчас она должна избегать всего, чего можно избежать.

Понимая это, она старалась держаться от него на некотором расстоянии. Но по неизвестной ей причине это расстояние все больше и больше сокращалось. Она долго думала и решила, что теперь ей нужно приложить больше усилий, чтобы держаться от него подальше.

Но как только она приняла это решение, то обнаружила, что цитриновый браслет, [7] подаренный Цинти, который она всегда носила на запястье, исчез. Это был очень важный браслет.

Она тщательно вспомнила прошлые события и решила, что, должно быть, потеряла его за дворцом Тайчэнь той ночью.

Прежде чем они отойдут на большее расстояние, она должна увидеть его в последний раз.

Но это было действительно непростое дело. Она должна быть абсолютно осторожна, чтобы не напугать людей рядом с ним.

Фэн Цзю оценила ситуацию и вспомнила, что пятое мая не за горами. Хотя Дун Хуа жил в уединении на 13-м уровне Небес, у него все еще были обязанности, которые он не успел передать Тянь Цзюню, такие как хранение бессмертных записей. Была поговорка: «Надень зеленую мантию, приди к Небесным вратам; возблаговари небо и землю, воздай дань уважения Дунцзюню». Каждый год, когда смертные поднимались на Небеса в виде новоиспеченных небожителей, им нужно было остановиться в зале Цин Юнь [8], и Дун Хуа был тем, кто награждал их соответствующим титулом.

Как было принято уже давно, когда церемония подходила к концу, Дун Хуа Дицзюнь оставался, чтобы проверить записи в зеркале Ляньсинь, висевшем в зале Цин Юнь. Фэн Цзю предположила, что нет лучшей возможности навестить его, чем именно в это время.

На пятый день мая птицы Луань [9] наполнили воздух своими песнями, и цветы Мандаравы [10] расцвели под дождем.

Фэн Цзю планировала пораньше разбить лагерь за пределами зала Цин Юнь, но маленький колобок не отходил от нее в течение всего утра. Колобок, которого можно было легко обвести вокруг пальца, становился все умнее и умнее в эти дни. Когда она, наконец, прибыла на 36-й уровень Небес, она не услышала ни звука, указывающего на церемонию.

Фэн Цзю подумала, что двор, должно быть, был распушен. Притворившись, что вытирает пот, она прикрыла половину лица платком и спросила бессмертного, стоявшего на страже у дверей: «Владыка... внутри?»

Охранник был заикающимся человеком, но он был ответственным заикающимся человеком. Он загоролдил ей вход со словами: «Могу я... спросить... в-в-ваше имя?»

На этот раз Фэн Цзю натянула платок на все лицо, оставив только подбородок, и ответила: «Бай Цянь из Цинцзю».

Стражник почтительно поклонился и сказал: «Ваше Высочество, Владыка... внутри...».

Фэн Цзю вздохнула с облегчением и поблагодарила его, сказав: «Мне нужно поговорить с ним наедине, поэтому, пожалуйста, не позволяйте никому входить. После этого я вас великодушно отблагодарю». Затем она вошла в ворота.

Охранник не осмеливался остановить ее, но и не был в восторге от того, что пропустил. Он в отчаянии почесал в затылке.

«Ты так рад меня видеть?»- спросила Фэн Цзю, обернувшись. После короткого раздумья, она добавила. - Может, мне дать тебе автограф?»

Стражник быстро покачал головой и сказал: «Владыка... в-в-внутри...»

Фэн Цзю понимающе кивнула после минутного молчания.

- Он уже давно ждет? Как любезно с вашей стороны. Тогда я пойду.

И она поспешно вошла.

Когда спина Фэн Цзю исчезла вдали, охранник, наконец, произнес слова, которые застряли у него в горле: «Внутри, проводит встречу... с-с-со всеми... н-н-нельзя, нельзя... беспокоить».

Зал Цин Юнь на 36-м уровне Неба был единственным местом на Девяти Небесах, окруженным лазурными облаками. Построенное с турмалиновыми балками и аметистовыми стенами, оно всегда было богато украшенным и великолепным зданием. Но не драгоценная отделка была его главным достоинством. Его истинным достоинством было качество звукоизоляции. Фэн Цзю, однако, не знала об этом. Некоторое время она прислушивалась и, не услышав ни звука, решила, что Дун Хуа действительно один внутри.

С юных лет Бай Чжэнь лично учил Фэн Цзю, что если она хочет собрать долги, она должна начать с обмена любезностями. Однако, в случае неудачи она должна сосредоточиться на трех простых словах: быстро, точно и безжалостно. Браслет, несомненно, был потерян за домом Дун Хуа Дицзюня, но она не могла игнорировать шанс, что он опровергнет ее утверждение. Поэтому, если она хочет получить браслет обратно, ей придется сразу выложить все факты и заставить его признаться с самого начала.

Фэн Цзю повторила три слова: «быстро», «точно» и «безжалостно», быстро вдохнула и... подняла ногу, чтобы распахнуть двери зала. Когда ее нога вытянулась на полпути, она вдруг передумала. Она отступила назад и вместо этого использовала руку. Ее голос стал единственным звуком в зале, громким и ясным.

«Прошлой ночью я потеряла свой цитриновый браслет. Может быть, Владыка...» - слова застыли у нее на языке.

В зале Цин Юнь были люди.

Не просто несколько человек, а целая орда.

Фэн Цзю тупо смотрела на две длинные шеренги склонившихся придворных. Они были одеты в мантии ученых; было очевидно, что они были в середине получения различных небесных титулов. У императорского сиденья стоял на коленях бессмертный, державший в руке бамбуковую табличку [11]. Он как раз подошёл к Дун Хуа, чтобы рассказать о своих заслугах.

Услышав ее дерзкие слова, все собравшиеся не могли отвести взгляда от Фэн Цзю. Единственным человеком, который не выказывал никаких эмоций, был как раз Дун Хуа, сидящий высоко на золотом троне. Он с безразличием положил руки на подлокотник, глядя на нее сверху.

Фэн Цзю на мгновение вздрогнула. Она толкнула дверь в коридор и попыталась спокойно сказать: «Прошу прощения. Хожу во сне... потеряла направление».

До нее донесся неторопливый голос Дун Хуа: «Этот браслет... действительно был оставлен у меня».

Фэн Цзю споткнулась о порог.

Дун Хуа не спеша достал из рукава изящную белую нефритовую шпильку и небрежно сказал: «Ты также забыла свою шпильку».

Кто-то в коридоре нервно сглотнул. Фэн Цзю упала на пол и притворилась мертвой.

Весь зал погрузился в тишину. Голос Дун Хуа прозвучал снова, медленно и совершенно

спокойно: «А вот брошь с цветком, которую ты уронила у горячего источника». Он сделал паузу, а затем с естественным апломбом процедил: «Подойди и забери их».

Фэн Цзю закрыла лицо руками и поднялась из-за двери. Шокированная, она ответила: «Я правда хожу во сне... я действительно пришла не в то место».

Дун Хуа подпер щеку и протянул: «А еще...», глядя так, как будто он собирался вытащить что-то ещё.

Фэн Цзю прекратила плакать и тут же придала своему лицу серьезное выражение.

- О, глядите-ка, я вдруг проснулась. Теперь мой разум совершенно ясен.

«Возможно, из-за здешней глубинной ауры» - добавила она, как будто только что осознала эту истину.

Она вышла вперед и церемонно поклонилась: «Я и вправду пришла забрать у вас кое-какие вещи, я не ошиблась местом. Прошу прощения за то, что доставила вам неудобства».

Она была смущена и одновременно пребывала в замешательстве.

- Как опрометчиво с моей стороны было побеспокоить всех присутствующих. Мне очень жаль. Я заглажу свою вину в другой раз.

Ее речь и движения были такими плавными, что она сама себе дивилась. Дун Хуа по-прежнему никак не реагировал. Все остальные последовали его примеру и замерли.

Фэн Цзю стиснула зубы и ступила на величественную платформу. Дун Хуа поднял глаза и увидел ее расстроенный вид. В его глазах мелькнула слабая улыбка, которая исчезла так же быстро, как и появилась. Дун Хуа протянул правую руку. В его ладони лежали цитриновый браслет, белая нефритовая заколка и брошь с белым цветком.

Фэн Цзю была несколько смущена.

Дун Хуа неторопливо сказал: «Почему ты не берешь их? Или ты ждешь, что я лично вручу их тебе?»

Фэн Цзю поспешила взять их, с наигранным уважением, как будто она получала важный эдикт. Откланивалась она в той же почтительной позе. Когда она добралась до дверей, все смущение промелькнуло на ее лице, и она немедленно убежала.

Все в зале Цин Юнь остались стоять в полной торжественности. Бессмертный, стоя на коленях, все еще ошеломленно смотрел на дверь, в проеме которой исчезла возмутительница спокойствия. К счастью, пожилой распорядитель не отвлекся на Фэн Цзю. Пытаясь помочь коленопреклоненному юноше, он спросил: «Вы говорили нам о вашей борьбе против морского дракона пятьсот лет назад. Когда принцесса Королевства Чжунжун, которую ты спас, настояла на том, чтобы выйти за тебя замуж, ты отклонил ее предложение...» Он наклонился вперед и взволнованно спросил: «А что потом?» Дун Хуа бросил на него взгляд, и он, мгновенно догадавшись о своем промахе, откашлялся и смягчил свой голос: «Что случилось после этого? Пожалуйста, продолжайте доклад...»

В ту ночь, после того как двор в зале Цин Юнь был распущен, по обычаю Небесный Владыка устроил праздничный банкет в Саду Лунного Света.

Юные бессмертные, впервые попавшие на Небеса, естественно, дивились всему, что видели.

Под балдахином из цветов, которые еще не расцвели, один бессмертный, выглядящий смышленным малым, прошептал другому: «Посмотри, как много здесь небесных, но видел ли ты кого-нибудь из Королевства Цинцю?» Затем он добавил таинственным тоном: «Я слышал, что сегодня вечером будут присутствовать леди и ее племянница Фэн Цзю. Поговаривают, они обе известные красавицы. Они так прекрасны, что даже небожительницы бледнеют в сравнении с ними».

Его собеседником был тот самый человек, который сегодня утром стоял на коленях в зале Цин Юнь. После того, как его заслуги были перечислены, он удостоился ранга Чжэньжэнь. Используя его смертную фамилию, теперь его звали Чэнь Чжэньжэнь.

Лицо Чэнь Чжэньжэня побагровело, когда он взволнованно ответил: «Та бессмертная, которая ворвалась в зал Цин Юнь этим утром... она тоже там будет?»

Другой бессмертный удивленно прикрыл рот ладонью и прошептал в ответ: «Я поспрашивал, и, похоже, что она приемная сестра Дицзюня, принцесса Чжи Хэ. Судя по сегодняшнему утру, чувства Дицзюня к его сестре не назовешь обычными». Потом он воскликнул: «Боже мой, она просто прелесть. Действительно, очень милая. Даже я, который обычно не подвержен смертным страстям, смотрел на нее с благоговением. Вы были ошеломлены, конечно, но... - он хлопнул Чэнь Чжэньжэня по плечу, - ты и я - люди, которые обрели бессмертие. Согласно правилам, даже если у Дицзюня нет к сестре никаких чувств, мы можем только восхищаться ею издалека».

Чэнь Чжэньжэнь уныло опустил голову.

Лунный сад на 32-м уровне Небес висел выше самой Луны. По этой причине лунные лучи не достигали сада. Вместо этого все вокруг было ярко освещено ночными жемчужинами, развешанными на деревьях.

На Девяти Небесах сложилась не очень хорошая традиция. Верховные божества всегда приходили на эти вечеринки точно вовремя, как бы говоря, что они были завалены работой и не могли уйти раньше. К счастью, Дун Хуа и Ляньсун не были частью этой группы. Они всегда приходили либо очень рано, либо очень поздно, или вообще не появлялись. Они никогда не приходили вовремя...

На этот раз эти двое почтили всех своим присутствием, хотя времени до начала празднования оставалось еще недостаточно.

Молодые прислужницы устроили для них столик за густым деревом, чтобы остальные не чувствовали себя неловко в их присутствии.

Когда Чэнь Чжэньжэнь и другой новоиспеченный бессмертный разговаривали, они стояли возле этого дерева. Каждое их слово было услышано двумя божествами, сидящими за ним.

В это время Дун Хуа разбирал башню Хаотянь, которую только что дал ему Ляньсун. Башня Хаотянь была волшебным орудием, которое могло уничтожить любого демона и злого духа. Ляньсун принес ее Дун Хуа, чтобы они могли превратить ее в оружие, которое могло подчинить даже Богов. Его цель состояла в том, чтобы он занял первое место в Списке Магических Орудий, потеснив недавно разработанный Мо Юанем Цзюлиху.

Господин Ляньсун убрал свой веер в сторону и налил немного вина для них обоих.

- Я слышал, ты перед всеми дразнил Фэн Цзю в зале Цин Юнь. Почему бы тебе не сесть и не рассказать мне, почему твой верный управляющий Чжунлинь побежал ко мне за советом, чтобы защитить твою честь?

Дун Хуа посмотрел на башню в своей руке и сказал: «Спрашивать совета у тебя? Он, что, еще не проснулся?»

- У меня нет времени на словесную пикировку.

Когда Ляньсун допил вино, ему вдруг что-то вспомнилось: «Мне нужно сказать тебе кое-что важное. Я забыл об этом, когда мы ушли от темы». Он постучал веером по ближайшей чашке с вином и продолжил: «Похоже, на юге происходит какое-то движение со стороны клана Демонов».

Дун Хуа, не спуская глаз с заново собранной башни, спросил: «Что случилось?»

Ляньсун откинулся на спинку стула. Его глаза сверкнули, когда он медленно протянул: «Кто еще это может быть, как не один из семи повелителей демонов, Янь Чиу? Ты помнишь его? Тот, кто вызвал тебя на дуэль из-за твоей помолвки со старшей принцессой клана Демонов».

Все еще небрежно он продолжил: «Он использовал Нефрит Запирающий Душу, чтобы заманить тебя в Сферу Нечистого Лотоса, заставляя тебя страдать и утратить силы, помнишь?»

С восхищением он произнес: «Если бы та лисичка не появилась из ниоткуда, чтобы помочь тебе, ты мог бы потерять половину своей жизненной силы».

- Конечно, ты, в конце концов, вырвался из ловушки и преподал Янь Чиу такой жестокий урок, что даже его родители не смогли узнать его. Но он все еще один из семи демонических лордов. Такой позор был слишком тяжел для него. Теперь он хочет взять реванш, чтобы стереть старое унижение.

Взгляд Дун Хуа слегка переместился, когда он безучастно сказал: «Я жду его приглашения».

«Я думал, ты давно отошел от мирских забот» - удивленно сказал Ляньсун.

«Или ты все еще думаешь, что он похитил твою лисичку?» - он нахмурился. - Разве ты лично не посетил клан Демонов триста лет назад и не убедился, что ее там нет?»

«Кстати, - вздохнул он, - этот мир настолько велик. Почему ты не можешь просто взять себе другого лисёнка?»

Прошло мгновение, и тут Ляньсуна озарило: «Разве Фэн Цзю из Цинцю не рыжая лиса? Ну, она девятихвостая рыжая лиса, но всё же рыжая лиса... Не говори мне, что по этой причине ты...»

Дун Хуа подпер щеку рукой и посмотрел сквозь густую листву.

- Это совершенно разные вещи.

Его глаза случайно остановились на хмурой Фэн Цзю, которая следовала за Бай Цянь в сад. На ней было белое платье, волосы украшала белая цветочная заколка. Выражение ее лица было холодным и неприступным. Когда она молчала, то выглядела вполне прилично.

У Бай Цянь было плохое зрение, в отличие от Фэн Цзю. С одного взгляда она поняла, что это Дун Хуа прислонился к стулу и смотрит на нее сквозь зеленую листву.

Фэн Цзю отступила и умоляюще схватилась за руку Бай Цянь: «Будучи вдовой, я думаю, что лучше придерживаться приличий и не попадать в центр внимания...»

Бай Цянь быстро прервала ее: «Значит, ты считаешь, что прийти на ужин с тетей не так прилично, как помочь Чжэ Яню приручить Зверя Алого Пламени, чтобы у четвертого брата появилось новое верховое животное. Если так...»

Фэн Цзю задрожала и крепче сжала руку Бай Цянь.

- К счастью, правила для вдов не так строги. Хорошо время от времени выходить в свет... - она запнулась и солгала. - К тому же это полезно для здоровья и ума.

Бай Цянь широко улыбнулась и кивнула: «Совершенно верно».

Две царственные леди из Цинцю с достоинством вошли в сад одна за другой. Новоиспеченные бессмертные повернулись и зачарованно посмотрели на них. К счастью, официанты, привыкшие видеть этих двух красавиц, быстро провели их на свои места.

Скрытый за деревьями, Ляньсун постучал веером по каменному столу и спросил Дун Хуа: «Каковы твои истинные намерения по отношению к ней? Тебе просто кажется, что она красивая, или...»

Дун Хуа бросил на него быстрый взгляд. Улыбка появилась в его глазах и так же быстро исчезла: «Она действительно очень интересная».

Ляньсун даже обратился к известной леди-воину, чтобы интерпретировать его слова, но через полдня все еще не мог полностью понять их значение.

- Что значит «интересная?»

В этот самый момент, чиновник у трона объявил: «Его Величество, Владыка Небес прибыл!»

Ляньсунь вздохнул и встал, сказав Дун Хуа: «Убери башню Хаотянь».

Сегодняшний банкет в Саду Лунного Света был достаточно уединенным, но отнюдь не очень уютным.

С течением времени каждый Небесный Владыка поднимался на трон и спускался с него. Только Дун Хуа Дицзюнь твердо и неизменно восседал на священной земле даосской Троицы.

За эти годы было несколько случаев, когда даже Тянь Цзюнь становился темой разговоров за выпивкой, но ни один из них никогда не касался Дун Хуа. Это был первый раз, когда о нем прошел слух. Он пролетел с первого уровня Небес на 36-й, словно падающая звезда, прямо в уши Тянь Цзюня.

Первой жертвой был, конечно, Дун Хуа. Другой, потому что всем не хватало воображения, была бедная невинная принцесса Чжи Хэ. Что бы ни думала Чжи Хэ, но каждый раз, когда кто-то приходил спросить ее, она ничего не опровергала, а лишь молча улыбалась.

Действующий Владыка Небес имел привычку переоценивать себя.

Он считал себя монархом, который хорошо понимает свой народ.

Хорошо известна история о том, что Дун Хуа был влюблен в принцессу Чжи Хэ. Поскольку она

также была небесным божеством, Тянь Цзюнь подумал, что пришло время сделать одолжение Дун Хуа и вернуть Чжи Хэ.

Он решил, что об этом должно быть объявлено на этой полу-формальной вечеринке, пока Чжи Хэ еще не ушла.

Но он должен был огласить свой указ естественным образом, чтобы никто не заподозрил его в фаворитизме по отношению к Дун Хуа, и в то же время показать, что Дун Хуа теперь у него в долгу. Услышав, что Чжи Хэ хорошо танцует, ему пришла в голову идея: пригласить восемнадцать фей в качестве подтанцовки, чтобы они вместе исполнили любимый танец Чжи Хэ «Журавль на небесах».

Будучи умной девушкой, Чжи Хэ не разочаровала и танцевала «Журавля на небесах», как будто это был «Феникс на небесах». Кроме того, там был не один Феникс, а целая стая, летающая прямо в вышине, и чуть не теряясь в облаках. Зрители, наблюдающие эту сцену, стояли с широко раскрытыми глазами, будто загипнотизированные.

Когда танец подошел к концу, Тянь Цзюнь несколько раз хлопнул в ладоши, и сразу же последовали громовые аплодисменты. Небесный Владыка посмотрел на сцену и спросил, хотя уже знал ответ: «Эта бессмертная случайно не принцесса Чжи Хэ, которую отослали на гору Цилинь триста лет назад?» Естественно, раздался шумный хор голосов, подтверждающих его слова. Тянь Цзюнь выглядел задумчивым, когда протянул: «Я не могу поверить, что изгнанная небожительница может быть настолько талантлива. Я считаю, что трехсот лет раскаяния в мире смертных было достаточно. Завтра она может вернуться на Небеса». Затем он посмотрел на Дун Хуа и спросил: «Владыка Дун Хуа, что ты думаешь?»

Какая хорошо поставленная пьеса.

Чжи Хэ стояла на сцене и молча смотрела на своего приемного брата. Ткань ее воздушной шелковой юбки трепетала, словно сказочная иллюзия.

Дун Хуа по-прежнему возился с башней. Услышав это, он мельком взглянул на нее и кивнул: «Звучит неплохо».

В этот самый момент с противоположной стороны сада донесся треск. Когда они оглянулись, фарфоровая чашка Фэн Цзю уже лежала на столе, расколота на четыре части.

Дун Хуа был застигнут врасплох. Ляньсун спрятался за веером и потер подбородок.

- Ты видел? Она раздавила чашку одной рукой. Это было чертовски круто.

Фэн Цзю была уверена, что в тот момент, когда Дун Хуа сказал: «Звучит неплохо», губы Чжи Хэ изогнулись в провоцирующей улыбке, когда она повернулась к ней.

Она все еще помнила наставление своего отца Бай И: «Хотя ты молода, помни о своем положении и обязанностях. Не ссорься с другими и не позволяй им превращать себя в посмешище. Это нормально - позорить себя, но никогда не позволяй бесчестить свое положение».

Триста лет она хранила эти слова в своем сердце. Даже в тех редких случаях, когда кто-то оскорблял ее, она действительно приучала себя быть великодушной. Но на этот раз, встретившись с Чжи Хэ, эти ежедневные любезности полетели в тартарары. Эта маленькая принцесса из дворца Тайчэнь действительно обидела ее, оставив шрам в ее сердце.

Эта старая история началась более двух тысяч лет назад.

В то время она была всего лишь невежественным ребенком. Она отправилась одна на гору Циньяо в южных землях и бездумно спровоцировала демона-тигра. Он собирался проглотить ее, когда Дун Хуа Дицзюнь проходил мимо и спас ей жизнь. С этого момента она посвятила себя Дун Хуа. Чтобы отплатить за его доброту, она, в конце концов, задолжала ещё и Сымину. Она пробралась во дворец Тайчэнь на 13-м небе и стала там служанкой. Она старалась изо всех сил, но ей не везло. Более того, приемная сестра Дун Хуа, принцесса Чжи Хэ всячески усложняла ей жизнь. Дун Хуа не обращал особого внимания на свои домашние дела. У него не было супруги, поэтому всё во дворце контролировалось Чжи Хэ. Жизнь Фэн Цзю в то время была полна трудностей.

Позже Дун Хуа каким-то образом попал в Сферу Нечистого Лотоса, предоставив ей, наконец, судьбоносный шанс. С самого раннего возраста она была полна решимости, словно мальчишка-сорванец. Чтобы спасти Дун Хуа от опасности, она, не раздумывая, поменяла внешность, голос и свои драгоценные девять хвостов на внешность лисички. Ну, нельзя сказать, что у нее не было скрытых мотивов. Она думала, раз она подарила ему любовь в обмен на его доброту, он может полюбить ее в ответ за ее заботу. После 2000 лет, проведенных в лишениях, она, наконец, получила кое-какую награду.

Но жизнь всегда непредсказуема.

После того, как ее раны зажили, Дун Хуа безоговорочно позволил ей оставаться рядом с ним и день и ночь, чтобы составить ему компанию. Она действительно чувствовала, что это были одни из самых счастливых дней в ее жизни. Хотя, став рыжей лисичкой, она потеряла все магические способности, ее это не волновало. Она была счастлива даже во сне.

В ту ночь она хорошо выспалась. Утром ее разбудили неугомонные птицы, клюющие что-то за окном. На ее подушке лежала записка, написанная Дун Хуа. В ней говорилось, что, проснувшись, она должна прийти в атриум, где ее накормят вкусной едой. Она радостно вскочила с кровати и побежала в атриум, вилля единственным хвостом, который у нее остался. Когда она добралась туда, она была удивлена, обнаружив Чжи Хэ плачущей перед цветочными клумбами. Они с Дун Хуа спорили о чем-то. Момент был неподходящий, поэтому она спокойно спряталась за деревом неподалеку. Она была хорошо воспитана и не хотела подслушивать их разговор. Она опустила голову и прикрыла лапами острые уши. Они продолжали спорить в течение долгого времени, причём высказывалась по большей части Чжи Хэ. Ее крики заставляли Фэн Цзю чувствовать себя неудобно. Их разговор, наконец, подошел к концу. Она медленно опустила лапы вниз, и вдруг услышала, как Дун Хуа говорит низким голосом: «Я обещал приемному отцу, что буду заботиться о тебе, поэтому никогда тебя не брошу. Почему ты должна ревновать к домашнему животному?»

Спустя долгое время после того как Дун Хуа ушел, она выползла из-за дерева. Чжи Хэ, улыбаясь, сказала ей: «Видишь, ты всего лишь домашнее животное, так как же ты можешь мечтать о моем приемном брате? Тебе не кажется, что это довольно смешно?»

Ей было немного больно, но она держалась. Лично слышать, как Дун Хуа говорит такие вещи, было действительно неприятно, но он сказал только правду. Преследовать Дун Хуа таким образом было не лучшим подходом. Она сама хотела большего. Но это было только начало. Говорят, стало накрапывать – ожидай ливня [12]. Вереница воспоминаний, которые она не хотела вспоминать, нахлынула на нее и пробудила от прекрасного сна. Одно за другим, и каждое было мучительно болезненным. Она была храбрее своих ровесников, но все равно оставалась ребенком. Благодаря постоянным нападкам Чжи Хэ и затаенной обиде, в конце

концов, она впала в уныние.

Чжи Хэ решительно выиграла этот раунд психологической войны. Фэн Цзю не волновало, что она проиграла Чжи Хэ; ей лишь было грустно, что она не могла понравиться Дун Хуа. Но она понятия не имела, почему Чжи Хэ так ее не любит. Даже когда она решила покинуть Девять Небес, она все еще усложняла ей жизнь. В ночь, когда она покидала Царство Небес, к ней пришла Чжи Хэ в красном свадебном платье. Притворяясь доброй, она нежно погладила ее по голове и сказала: «Я была с приемным братом 90 000 лет. Он растил меня с самого рождения, и сегодня я, наконец, выйду за него замуж. Я очень счастлива. Малышка-лисичка, ты тоже рада за меня?» Затем, слегка улыбнувшись, она насмешливо спросила: «Нет? Ну, конечно, кто бы сомневался».

Фэн Цзю все еще помнила, какой яркой и полной была луна в ту ночь. Наступив на ее отражение, она почувствовала, что волочит ноги по реке Судьбы. Река была глубокая, а вода в ней такая темная, будто хотела ее поглотить.

Старые воспоминания вернулись, как эфемерный туман. Фэн Цзю взглянула на сцену, где Чжи Хэ только что закончила свой танец. Триста лет - это слишком мало. Ее старая знакомая совсем не изменилась.

В те дни, несмотря на издевательства Чжи Хэ, она оставалась упрямой в отношении Дун Хуа. Она по глупости считала эти оскорбления испытаниями с Небес, а Чжи Хэ была небесным инструментом, чтобы испытать ее. Покинув Девять Небес и немного придя в себя, она, наконец, поняла, что Чжи Хэ была ее главным соперником. Веками она позволяла себе издеваться над собой без всякой причины. Но если бы она специально вернулась на Девять Небес только для того, чтобы отомстить за ту боль и обиды, это было бы совсем мелко. Как она могла отомстить за себя, проявляя великодушие? Она долго раздумывала над этим, но после того, как не нашла удовлетворительного решения, решила забыть об этом.

Но Небеса как будто поняли ее 300-летнюю обиду и специально устроили для нее сегодняшнее представление. Так как же она могла разочаровать добрую волю Небес, особенно когда ее противник так вызывающе улыбался. Если бы она не усложнила ей жизнь, то оказала бы плохую услугу обладательнице этой слащавой улыбки.

Когда молодая служанка принесла ей другую чашку, Чжи Хэ еще сильнее растянула губы в насмешливой улыбке. Она выглядела довольной собой, а в уголках ее глаз, словно лучики, собрались мелкие морщинки.

У Фэн Цзю появилась новая чашка. Глядя на усилившуюся провокацию Чжи Хэ, ее губы тоже изогнулись в улыбке.

Сидевшая рядом с ней тетя Бай Цянь взглянула на Чжи Хэ, потом снова на нее, и не удержалась от того, чтобы пожурить племянницу.

- Небесный Владыка обсуждает официальные вопросы со своими подданными. Теперь ты королева Цинцю. Тебе посчастливилось присутствовать на сегодняшней церемонии и послушать его учения, но ты не только невнимательно слушаешь, но даже улыбаешься его словам?

Это звучало так, будто тетя бранила ее, но дуэт, который они в свое время исполняли, чтобы обмануть ее строгого отца, не был чем-то, чему можно было научиться через столетие или два.

За долю секунды Фэн Цзю всё поняла. Она почтительно сложила руки: «Я бы не посмела. Я

только подумала... когда у нас в Цинцю изгоняют кого-то, ему приходится совершить множество подвигов, чтобы получить право снова попасть в ряды бессмертных. Недавно дядя упомянул волнения в южных землях. Мне казалось, что принцессу Чжи Хэ, как Божество Воды, могут отправить туда. Я боялась, что ее отправят в южные земли и позволят вернуться на Небеса только после победы. Но, думаю, это слишком суровое наказание. Станцевать один танец намного легче, не так ли? Я решила, что напрасно тревожилась, поэтому сначала улыбнулась с облегчением. Потом я осознала, насколько справедливы и благожелательны небесные законы, поэтому я снова благоговейно улыбнулась. Но потом меня посетила мысль, что, к счастью, принцессу Чжи Хэ можно простить за ее таланты, но как бездарная фея сможет искупить свой проступок, если она его совершит? По этой причине я улыбнулась уже озадаченно».

Присутствующие божества из этих слов могли сделать вывод, что королева Цинцю отвергает авторитет их господина. Она намеренно опровергала его слова, но ее замечания были совершенно искренними, скромными и очень вежливыми. Фэн Цзю грациозно сложила руки и повернулась лицом к небожителям: «Я родом из сельской местности, поэтому многого не знаю. Кажется, я поставила себя в неловкое положение». Она села на свое место, и снова адресовала извиняющийся жест Тянь Цзюню.

Ляньсун подтолкнул Дун Хуа веером и сказал: «Кажется, тебе нашлась ровня в изрыгании горьких слов. У моего отца, должно быть, сейчас болит голова».

Дун Хуа повертел чашку в ладони и, глядя на притворство Фэн Цзю, вымолвил: «Как это может быть? Я более лаконичен, чем она».

Восседающий на своем высоком троне Небесный Владыка не мог предположить, что все обернется именно так. Но, в конце концов, он был правителем Небес. У него было столько практики, что он мог поменять решение быстрее, чем кто-то перелистнет страницы в книге. Окинув взглядом весь двор, он оценил ситуацию и молвил глубоким голосом: «Вопросы, заданные Ее Высочеством Цинцю, действительно очень важны. Законы Девяти Небес всегда были справедливыми. Если Чжи Хэ хочет вернуться на Небеса, на ее счету, естественно, должно быть немало заслуг». Он сделал паузу, затем продолжил: «Конечно, законы ясно прописаны, но, что точно происходит в южных землях, пока неизвестно. Мы вернемся к этой теме, как только у нас будет более четкое понимание ситуации».

Фэн Цзю неумоимо следовала намеченному пути. Повернувшись к сцене, она взглянула на Чжи Хэ и удовлетворенно улыбнулась. Лицо Чжи Хэ мгновенно побелело, как лист бумаги. Пара больших миндалевидных глаз свирепо смотрела на нее, как будто пламя могло вспыхнуть в любой момент. Весь двор погрузился в молчание.

Вдруг раздался холодный неторопливый голос: «Я пойду вместо неё».

Пальцы Дун Хуа, которые проворно порхали над частями башни Хаотянь, замерли, когда он взглянул вверх.

- Если, чтобы вернуться на Небеса, ей придется идти на поле битвы.

Чжи Хэ подняла голову. Ее бледное лицо порозовело, а в глаза как будто вернулась жизнь.

Тянь Цзюнь тоже поднял глаза и небрежно обвел взглядом людей внизу. Кроме Дун Хуа, другим высокопоставленным божеством из присутствующих была Бай Цянь. Когда он собрался спросить ее мнение, она перестала обмахиваться веером и одарила его чрезвычайно теплой улыбкой.

- В Цинцю я слышала, что родители принцессы Чжи Хэ умерли. Они воспитывали Дун Хуа Дицзюня, это естественно, что Владыка помнит их доброту.

Казалось, все решено. Фэн Цзю холодно взглянула на Дун Хуа, затем на Чжи Хэ. Она изобразила искреннюю улыбку и подыграла тете: «Как трогательна любовь Его Величества к сестре!» Затем, будто потеряв интерес, она продолжила грызть семена дыни. Кроме нее, никто не осмеливался возражать Дун Хуа перед всеми.

Бессмертные гудели от возбуждения. Большинство не понимало, что происходит, они были просто рады, что есть на что посмотреть. Всем было понятно одно: теперь они могли проверить слухи, которые ходили вокруг раньше. Например, сегодня рано утром Дун Хуа дразнил кого-то в зале Цин Юнь. И как оказалось, это была не его приемная сестра Чжи Хэ, а знаменитая королева из Цинцю – Ее Высочество Фэн Цзю. Однако были и такие, кто был достаточно умен и теперь шептал на ухо собеседнику, пользуясь тем, что они сидят достаточно далеко: «Я скажу то, что думаю, а ты скажи, правдоподобно это звучит или нет. Выглядит так, будто это борьба за любовь между сестрой и женой. Сестра может питать тайную привязанность к брату, а жена терпеть не может младшую сестру...» Позже этот «проницательный» бессмертный, благодаря своей редкой способности логически объяснять вещи, стал помощником Сымина в управлении книгой Судеб. Сымин высоко ценил его, и его будущее казалось очень светлым.

В этот раз Бай Цянь приняла участие в этой церемонии лишь потому, что ее муж Е Хуа не смог.

Покинув Десять Миль Персиковых Цветков, Чжэ Янь также посетил это мероприятие. Это верховное божество всегда было целеустремленным в защите братьев и сестер Бай. Кажется, на этот раз он прибыл на Небеса, чтобы прочитать Е Хуа небольшую лекцию. Но у наследного принца возникли неотложные дела, и его жене пришлось занять его место.

Бай Цянь находила это хлопотным, потому что никогда не любила подобные сборища. После того, как она увидела, что по своему обыкновению Тянь Цзюнь решил ускользнуть после трех раундов выпивки, она тоже решила уйти. Она хотела утащить с собой и Фэн Цзю, но, вспомнив, как Фэн Цзю целыми днями просиживала во дворце Цин Юнь с маленьким колобком, передумала и решила лишь напомнить ей об осторожности.

Ее напоминание было бесполезно. Сегодня Фэн Цзю веселилась по полной. Она поднимала бокал за каждый тост, а если кто-то ей нравился, она даже предлагала выпить чашечку. Все хвалили ее. Как говорится, «вино раскрывает характер». Все сходились на том, что у нее благородная душа. Однако сегодняшний банкет был дружеским вечером, и напитки были сделаны из ферментированных фруктов. На вкус они были легкими, и хотя их действие было замедленным, ударяли в голову они очень сильно. Откуда Фэн Цзю могла знать об этом? Она думала, что пьет фруктовый пунш, так о чем было беспокоиться? Кроме того, она чувствовала, что ее сердце было охвачено огнем сегодня вечером, поэтому ей нужно было погасить это пламя с помощью сока.

Она пила и пила, постепенно чувствуя головокружение. Она уже не могла различить прошлое и настоящее, людей и места. Она только знала, что кто-то вроде говорил о какой-то вечеринке. Потом один за другим люди начали прощаться. Она была смущена, но, сохраняя достоинство, отвечала каждому из них.

Вскоре в саду больше не было слышно ни звука. Только свет ночных жемчужин отражался среди деревьев, сплетаясь с тенями в хаотичном беспорядке.

Фэн Цзю уставилась на бокал в ее руке. Она всегда вела себя сдержанно, когда была пьяна, поэтому ее еще никогда не улучали в нетрезвом состоянии. Ее движения лишь становились немного медленнее, и иногда, если она была слишком пьяна, она ни на что не реагировала. Например, на этот раз ее голова была пуста. Кто она? Что она здесь делает? Что было в ее чашке? Она не знала ответа ни на один из этих вопросов.

Она попробовала жидкость в бокале и решила, что на вкус она безопасна. И вдруг ей захотелось пить. Чаша с вином показалась ей слишком маленькой, возможно, ее следовало заменить чашкой чая. После некоторых дополнительных размышлений, она решила, что чайник был бы предпочтительней. В этот момент, совершенно неожиданно, она услышала чьи-то тяжелые шаги.

В сопровождении слабого аромата белого сандалового дерева, обладатель этой твердой походки остановился прямо перед ней.

Она с любопытством подняла голову и увидела Дун Хуа, который уже давно покинул празднество, а сейчас зачем-то вернулся. Слегка наклонившись, он посмотрел на нее, и его взгляд остановился на ее пальцах.

- Что ты до сих пор здесь делаешь?

Ее затуманенный мозг начал вращаться на полной скорости, как только она увидела его. Она вдруг вспомнила, кто он, и кто она сама. Но воспоминания 300-летней давности сыграли с ней злую шутку. Она не могла вспомнить ничего, что произошло за последние 300 лет. Вместо этого она чувствовала себя так, словно вернулась во дворец Тайчэнь. Это красивое лицо, глубокий взгляд и эта серебристая копна волос принадлежали Дун Хуа, а она была маленькой лисой, которая любила его, и использовала любую возможность, чтобы оставаться рядом с ним.

Она долго смотрела на него и, наконец, выразительно подняла чашу со словами: «Пью сок».

Дун Хуа, мельком взглянув на ее поднятую руку, вздохнул, а затем снова посмотрел ей в лицо.

- Это вино.

Она снова изучающе посмотрела на него, и на ее лице появилось озадаченное выражение. Заметив башню в его руке, которая напоминала оружие, она проигнорировала вопрос о напитке, чтобы перейти к другому: «Ты опять с кем-то ссоришься?» Она задумалась на мгновение, потом добавила: «Тогда возьми меня с собой. Обещаю, что не доставлю тебе хлопот». Она забыла, что находится в человеческом обличье, и подумала, что она все еще маленькая лисичка, которую он может держать на руках.

- Я такая крошечная, что могу поместиться где угодно, не так ли?

Цветочная шпилька в ее волосах ослабла и упала на стол. Дун Хуа присел рядом, поднял и протянул ей.

- Ты пьяна.

Она долго смотрела на шпильку, не узнавая ее, а потом отвела глаза. Казалось, минула целая вечность, прежде чем она пришла в себя. Она мило кивнула головой и сказала: «Может быть, самую чуточку». Потом схватилась за голову и пожаловалась на головокружение. Кажется, у нее действительно закружилась голова, потому что ее тело начало заваливаться на бок.

Дун Хуа подхватил ее и помог подняться. Когда он, наконец, смог усадить ее прямо, он спросил: «Ты сможешь отыскать дорогу назад? Я отведу тебя домой».

- Лжец...

Она долго изучала чашку и резко сменила тему.

- Ты пошел преподавать кому-то урок... - она ошеломленно посмотрела на него, потом подняла голову и продолжила. - Как его звали?..

Теперь ее голос звучал печально.

- Ты велел мне ждать тебя, но ты так и не вернулся, - обвиняющим тоном произнесла она. - А я всё равно искала тебя.

Дун Хуа в этот момент пытался сообразить, как вставить ее шпильку обратно в волосы. Пока он пробовал разные варианты, он сомневающимся тоном переспросил: «Когда такое было?» Она послушно опустила голову и позволила Дун Хуа поиграть с ее волосами.

- Это было совсем недавно.

- Не двигайся, - мягко сказал он ей.

Она застыла и твердо заявила: «Я не ошибаюсь. У меня отличная память. У лис отличная память».

Дун Хуа воткнул шпильку в волосы и некоторое время любовался делом рук своих, прежде чем сказать: «Ты определенно ошибаешься. Скажи мне, кто я?»

- Дицзюнь.

Она встала. Она долго смотрела на него, затем, как будто она вспомнила что-то в этот самый момент, сказала: «Дун Хуа. Но ты хуже всех».

Он был немного удивлен, услышав, что она обращается к нему по имени. Затем, развеселившись, спросил: «Почему?»

- Ты сказал, что я всего лишь домашнее животное, - честно ответила она. - Когда я уходила, ты меня не остановил.

Сконфуженный Дун Хуа поспешил ответить: «Я не помню. Я...» Закончить фразу он не успел, потому что Фэн Цзю упала ему на грудь. Без сомнения, Его Высочество из Цинцю перебрала сегодня лишку.

Дун Хуа наклонился, чтобы посмотреть на нее. Наверняка, ее слова были лишь пьяным бредом, и задумываться об этом не стоило. Свет от ночных жемчужин падал ей на лицо. Он не знал, почему она так много выпила сегодня; до сих пор она была благоразумна.

Он взял ее на руки и полетел обратно во дворец Цин Юнь. Она бессознательно спрятала голову в его объятиях, а ее длинные тонкие пальцы нежно потянули его за воротник мантии. Ее обычно холодный лоб с меткой цветка Феникса был особенно очарователен сегодня вечером. А это невинное раскрасневшееся лицо... в этот момент она мало походила на величественную правительницу королевства Цинцю. Но была одна мысль, засевшая в мозгу у Дун Хуа. Что она сказала? Он последовательно пытался вспомнить обрывки ее бессмысленной речи, и, наконец,

вспомнил. Точно, она сказала «домашнее животное».

---

[1] Существует легенда, что когда-то давно императорская дочь играла на берегу Восточного моря во время шторма. Одна из волн смыла её с берега, и ветром и течением девушку унесло в море, где она и утонула. После смерти она превратилась в маленькую птичку, которая все дни напролёт щебетала: «Цзинвэй! Цзинвэй!» Люди так и прозвали её - птичкой Цзинвэй. Душа девушки так сильно ненавидела море за то, что оно так рано отняло у неё жизнь, что однажды она приняла решение засыпать его. Каждый день с утра до вечера Цзинвэй носила в клюве веточки и мелкие камешки с Западных гор и бросала их в Восточное море. Год за годом трудилась маленькая птичка, не зная ни сна, ни отдыха. В конце концов птичка Цзинвэй проколола себе клюв то ли камушком, то ли веткой и умерла.

[2] Даодэ Тяньцзунь - более известный как Тайшан Лао Цзюнь, Божество сферы Высшей Чистоты, один из даосской Троицы

[3] дерево сал - Сал, или шорея исполинская (лат. *Shorea robusta*) - вид деревьев семейства Диптерокарповые. Сал произрастает в Южной Азии, к югу от Гималаев; с восточной стороны от Мьянмы до Непала, Индии и Бангладеш

[4] в буддизме агама (санскрит и пали "священные работы" или "священное писание") - это коллекция ранних буддийских писаний

[5] Паринирвана - в буддизме окончательная нирвана, которая может быть достигнута обычно лишь после физической смерти существа, достигшего полного просветления (бодхи). Паринирвана - главная цель буддийской практики, подразумевающая выход за пределы цепи перерождений

[6] час собаки - с 7 до 9 вечера

[7] цитрин - разновидность минерала кварц, отличающаяся от обычного кварца только цветом. Сравнительно недорогой полудрагоценный камень. Название произошло от лат. *citrus* — лимонно-жёлтый

[8] этот зал называется 靑雲 (qīng yún) или Синие Облака, в отличие от резиденции колобка, которая называется 靑雲 (qīng yún), или Благоприятные Облака

[9] 鸞 Луань-няо - чудесная птица в древнекитайской мифологии, чьё появление было возможно лишь в мирные времена. Внешний вид луань-няо напоминал петуха, цвет перьев и описание голоса в разных источниках разнятся, по одной версии — птица имеет красные перья, с разноцветным переходом, и способна издать любой звук, существующий на свете; по другой версии — перья луань-няо окрашены преимущественно сине-зелёный цвет, а её пение подобно бренчанию колокольчика. В четвертом томе трактата «Философы из Хуайнани», говорится: «Юйцзя-Крылатый красавец родил Летающего дракона. Летающий дракон родил феникса-Фэнхуан, а Фэнхуан родил птицу Луань. Птица Луань породила Обычную птицу. Так что все крылатые родились от Обычной птицы».

[10] цветок Мандаравы - небесный цветок, часто упоминаемый в буддийских текстах; названный в честь принцессы, которая отказалась от своего королевского права первородства, чтобы практиковать Дхарму

[11] 胡 (hu) Ху - табличка из бамбука, слоновой кости или нефрита, которую держали перед

собой чиновники древнего Китая во время аудиенции у правителя

[12] русский эквивалент пословицы «Стало накрапывать – ожидай ливня» - «Пришла беда – отворяй ворота», «Беда не приходит одна»

<http://tl.rulate.ru/book/32932/716412>